

К вопросу о влиянии античного эпоса на героические сказания тюркских народов

Античность и общечеловеческие ценности. Вып. 6.-Алматы, 1999. - С.188-195.

Эпические произведения являются неотъемлемой частью исторического, культурного и социального развития общества. Однако продолжительное время к эпическим произведениям относились только как к литературным фантазиям. Относится это, наверное, в первую очередь, и к “Илиаде” и “Одиссее” Гомера как к классическим образцам древнейшего эпоса. Открытия Генриха Шлимана позволили по-другому взглянуть на всё эпическое наследие. Стало ясно, что за фантастическими сюжетами эпоса скрываются действительные исторические события. Естественно, в силу своей специфики, эпические произведения являются специфическими источниками, способными раскрыть больше внутренний мир, представления людей той эпохи, а не показать фактически происходящие события.

В силу того, что практически все общества переживают в своем развитии довольно схожие этапы, эпические произведения занимают большое место в творчестве и формировании философских взглядов практически у всех народов. Естественно, что некоторые сюжеты этих произведений являются оригинальными, принадлежащими именно одному данному этносу, некоторые, в силу схожести социально-экономического развития повторяются. Но культура - это та субстанция, которая перетекает, не зная границ и преград, и в связи с этим можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство сюжетов носят заимствованный характер. Конечно, сюжеты не дублируются в неизменном виде, а накладываются на уже имеющиеся и связываются с конкретной окружающей обстановкой. Определить “первосюжет” и механику его восприятия другими народами, причины и направления его трансформации задача нелегкая. Здесь невозможно обойтись исследованиями только лингвистического характера. Необходимо выяснить этапы исторического и социального развития, понять философские воззрения и психологию изучаемого этноса.

В данной статье будет рассмотрен вопрос о восприятии сюжета

“Одиссеи” народами Средней Азии в средневековый период. В частности эпического сказания “Алпамыш”.

Наиболее известным исследователем культурно-исторических процессов в античное время является А.Ф. Лосев. Им опубликован ряд научных работ, посвященных исследованию античной литературы и философии.¹

А.Ф. Лосев отмечал, что развитие происходило по схеме - мифология общинно-родового периода (с присущей ей анимизмом), переходящая в героическое, эпическое сказание более позднего - рабовладельческого времени.² Причем, “... героический индивидуум, осознавший в эпосе свое отличие от родовой общины, но еще не способный от нее отделиться, пока бессилён творить реальную человеческую историю и мыслиться в роли какой-то устойчивой и, с точки зрения наблюдателя, даже неподвижной картины идеального прошлого.”³

Думается, что в стройное логическое-философское построение А.Ф. Лосева вкралось несколько неточностей. В частности, его рассуждения о видоизменении мифа в эпос строятся на незыблемой платформе теории формационного развития общества, т.е. перехода общинно-родовых отношений в непосредственно и только в рабовладельческие. Он сам признает, что рудименты общинных отношений просуществовали всё античное время,⁴ а мы знаем, что общинные отношения могут перерасти и непосредственно в феодальные. По этой причине его построение о том, что “...мыслящие личности, поскольку они отходили от непосредственного труда, могли существовать только на основе труда других людей, трудившихся, но самостоятельно еще не мысливших. А это и были рабы”⁵, - вызовет понимание, что его логические построения не универсальны, хотя и претендуют на таковые.

Я также позволю себе не согласиться с утверждением, что возникающие в эпических повествованиях “... случайные замедления, сосредоточение внимания на каких-нибудь третьестепенных предметах, невнимание к последовательности рассказа, постоянное повторение одного и того же, многократные возвращения назад...” являются “... остатками именно мифологического мировоззрения, согласно которому все равно, откуда начинать действие и где его кончить, и все равно, давать ли закругленное целое или давать его в виде бессвязных кусков”.⁶

Дело в том, что А.Ф. Лосев (да и другие исследователи “Одиссеи” и “Илиады”) забывают, что имеют дело не с законченным *письменным*

литературным или философским произведением, а с *устной* формой повествования, зафиксированной письменно. Современные исследователи эпоса отмечают, что эпические сказания имеют, как правило, несколько редакций (по количеству исполнителей) и современная наука не пришла еще к единому мнению как из этого многообразия выбрать единственный “правильный”. А то, что это знали фиксаторы данных эпических произведения в VI в. до н.э., предположить вообще невозможно.

В фиксации устных произведений, как отмечают современные исследователи эпических произведений, большую роль играет сам процесс записи. В частности, исследователь русского эпоса В.В. Блажес отмечает, что “... эпическое произведение воссоздается, то есть появляется и существует в качестве предмета чувственного восприятия, только в момент единичного проявления исполнительской деятельности певца. Выполненная в это время письменная фиксация произведения и ее последующая публикация суть слабые копии, совершенно неравноценные с подлинником”.⁷ Подобные мысли высказывал и В.М. Жирмунский во время изучения эпоса “Манас”: “Повторные записи, сделанные со слов одного и того же певца, обнаруживают весьма значительные различия...” и далее: “В момент исполнения сказитель-импровизатор находится в состоянии особого творческого подъема, который происходит в результате его общения с аудиторией. Поэтому необходимо записывать текст эпического произведения во время подобного творческого сеанса. Лабораторные записи под диктовку сказителя, нередко практиковавшиеся и при записи “Манаса”, обычно передают простое изложение содержания, лишенное ярких стилистических особенностей, характерных для творческого исполнения, - вариаций, повторений, богатой звуковой инструментовки и т.д. Анализ стиля эпического произведения должен производиться лишь на основе записей, отражающих подлинно творческое исполнение сказителем.

... Известно, например, что сказитель, обычно выходец из народной среды, одну и ту же эпическую песню исполняет в народной аудитории иначе, чем перед представителями феодально-родовой верхушки. Последние охотно привлекали к себе на службу знаменитых манасчи, как о том свидетельствуют биографии сказителей”.⁸

Таким образом “Илиада” и “Одиссея” представляют из себя письменный вариант (и по всей видимости не самый удачный) устных эпических сказаний. Здесь встает второй вопрос - что представляли из себя во время фиксации данные произведения: разрозненные рассказы (бы-

лины), формирующий эпос (наличие сказаний об отдельных героях и непрочное, случайное их соединение) или уже вполне сложившееся эпическое сказание. В любом случае становятся понятными и “случайные замедления” в “Илиаде” и “Одиссее” - сказитель обращал внимание на реакцию слушателей и более подробно описывал те события, которые вызывали у них интерес, сюда же можно отнести и “сосредоточение внимания на каких-нибудь третьестепенных предметах”, а вот “невнимание к последовательности рассказа, постоянное повторение одного и того же, многократные возвращения назад” по всей видимости представляют из себя издержки устного пересказа - эпические произведения такого размера (напомним, что “Илиада” состоит из 15693 стихотворных строк, а “Одиссея” из 12110), как правило, читаются не за один раз, а в течении многих дней (вечеров) и рассказчик или слушатели иногда теряют нить повествования. (В качестве сравнения позволим себе предложить современные бесконечные телевизионные сериалы, которые построены по этому же принципу - через определенное количество серий эпизоды или их интерпретация обязательно повторяются).

В ключе данной гипотезы находит объяснение и роль Гомера, и наличие включений более позднего времени в произведения. Выдающийся греческий аэрт, который мог в течении очень продолжительного времени, развертывая или сжимая по желанию слушателей свое повествование, умеющий если надо приспособить содержание поэмы ко вкусу и требованиям слушателей, продиктовал (по легенде Гомер был слепым) известные и очень популярные в то время эпические произведения. В более позднее время записи решили привести в порядок, придать им более законченную форму (“ревизия Писистрата”) и дополнили их повествованиями других сказителей.

В подтверждение данной гипотезы можно привести и два схожих момента в деятельности сказителей. Так сказители “Манаса” могли большое внимание уделять, по какой-то причине (желанию привлечь внимание слушателей, понравиться хозяину, показать свое мастерство исполнителя, просто протянуть время), конкретному предмету. Так, “В самом “Манасе” упоминается легендарный певец Джайсан, который украшение юрты воспевал полдня”.⁹ В “Илиаде” можно найти подобный момент - описание щита, который Гефест выковал для Ахиллеса.¹⁰ По нашим подсчетам, на описание украшения щита потребовалось 134 строки (это конечно не “полдня”, но фактически 1% от всего произведения), а на описание всего другого вооружения (броня, шлем и поножи)

всего 4 строки. Здесь можно сколь угодно долго фантазировать на тему почему так произошло, для нас важен данный момент как подтверждение психологической схожести сказителей середины первого тысячелетия до н.э. и середины первого тысячелетия нашей эры.

Произведения Гомера - “Илиада” и “Одиссея” уже продолжительное время подвергаются всесторонним исследованиям. К исследованию тюркского героического эпоса, если не считать нескольких эпизодических экскурсов XIX в., приступили только в середине текущего столетия.

Интересующему нас вопросу - преемственности древнегреческих и тюркских сюжетов большое внимание уделял выдающийся ученый-филолог В.М. Жирмунский. В частности, он отмечает сюжет “возвращение мужа”, довольно часто встречающегося во многих как тюркских, так и европейских эпических произведениях. В.М. Жирмунский отмечает, что не смотря на множество вариантов, сюжет этот укладывается в довольно общую схему.

После долгого странствия мужа, обещавшего вернуться к определенному сроку, он чудесным образом возвращается в день свадьбы своей жены (которую вынуждают к этому силой или хитростью - сообщив о смерти супруга). Муж проникает на свадьбу неизвестным (узнают его только несколько избранных). Узнавание мужа по какому-то признаку. Неудачный соперник (или соперники) либо несет заслуженную кару, либо все кончается примирением.

В.М. Жирмунский отмечал, что “Сюжет мужа на свадьбе своей жены известен в нескольких десятках самостоятельных версий - французских, немецких, английских, итальянских, скандинавских, русских и славянских, венгерских, румынских, новогреческих...”¹¹

Сюжет этот довольно древний, т.к. записан уже в XI в. и генерировался вплоть до XVI в. С “западной” версией связана азербайджанская повесть “Ашик-Кериб”.

“Алпамыш” в узбекской редакции отличается от западных, но в нем “... целый ряд мотивов напоминает “Одиссею”¹². Сюда В.М. Жирмунский включает сцены угощения героя, расправы с неверными слугами, узнавание героя старыми животными и т.д. И, в отличие от “западных” вариантов, “Только в “Одиссее” и в “Алпамыше” сохранилась героическая развязка “возвращения мужа” - состязание с женихами-самозванцами и свадебными гостями в стрельбе из богатырского лука, который может натянуть лишь возвратившейся на родину герой,

его хозяин”¹³.

Вообще В.М. Жирмунский находит большое количество общих мест в “Одиссее” и “Алпамыше”. Однако вывод о причине этих совпадений делает, по мнению автора статьи, совершенно неверный. В частности он отмечает, что “Такая близость сюжета “Одиссеи” и сказания об Алпамыше, часто даже в подробностях, не может, конечно, пониматься в смысле прямого литературного влияния эпоса Гомера на среднеазиатскую поэму “Алпамыш”, хотя бы на самых ранних этапах ее сложения. Подобное “влияние” исторически непредставимо. Оба произведения устного эпического творчества имели, вероятно, общим источником древнейший сказочный сюжет, широко распространенный в фольклоре многих народов и в другом, более позднем варианте отложившийся в средневековых западных сказаниях о муже на свадьбе своей жены”¹⁴.

Отметим для начала логическое несоответствие в самой приведенной выдержке. Получается, что влияние “Одиссеи”, несомненно имеющей довольно широкое хождение в литературном пространстве как Европы, так и Азии, как минимум до первых веков нашей эры “исторически непредставимо”, а наличие общего источника для произведений, между временем создания которых лежит целое тысячелетие, “вполне вероятно”. (В настоящее время автор не может ответить на вопрос о конкретном влиянии античной литературы на арабскую культуру, но само наречение Абу Наср аль-Фараби “вторым учителем” после Аристотеля, а также даже поверхностный анализ произведений центральноазиатских мыслителей средневекового периода говорит о том, что арабская культура восприняла многие античные традиции. Данная проблема еще ждет своего исследования.)

Европоцентристское образование со многими плюсами имеет и ряд минусов. В частности, это желание именно Европу представлять центром истории и культуры во все времена. В то же время известно, что естественный ход исторического развития приводил к тому, что иногда именно Азия являлась центром культуры и хранителем культурных традиций, в том числе и европейских. Особенно ярко это видно в средневековый период.

Более реальной видится следующая картина - греческая эпическая традиция перешла в Азию (не будем здесь задаваться вопросом когда и как именно, может быть с греками Александра Македонского, может позже), и была усвоена местным населением, а затем воспринята от первоисточника, пришедшим на эту территорию конкретным тюркским

племенем, затем от него перешла к другим тюркским племенам, а уже от них через купцов, путешественников, воинов вернулась в Европу, со значительными изменениями и дополнениями в результате длительного и многоступенчатого пути.

Если взять на вооружение эту гипотезу, то все нелогические моменты в рассуждениях В.М. Жирмунского будут устранены. Будет понятна детальная близость “Одиссеи” и “Алпамыша” кунгратской версии, незначительные отличия в других тюркских и таджикских версиях и значительное расхождение с европейскими вариантами. А такая деталь как узнавание героя по песни (имеющая место в “Алпамыше” и европейских вариантах и напрочь отсутствующая в “Одиссее”), фактически поставившая в тупик В.М. Жирмунского, в этом случае будет объясняться внесением тюркского элемента в сюжет и восприятием его европейцами.

Из вышесказанного сделаем следующие выводы: во-первых - настало время пересмотреть традиционные взгляды на эпические (и мифологические) произведения прошлого, основываясь не на формационную теорию развития общества, а используя элементы цивилизационного подхода; во-вторых - надо признать, что взаимовлияние культур народов Европы и Азии не всегда протекало с доминантой первой, а и Азия выступала если не как основной генератор, то уж точно как хранитель мировой культуры; и в третьих - признать значительное влияние античной культуры не только на оседлое население Центральной Азии, но и на кочевые народы.

---

¹ См.: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии.- М.,1957; Он же. Гомер.-М., 1960; Он же. Античная философия истории.-М.,1977; Он же История античной философии.-М., 1989.

² См.: Лосев А.Ф. История античной философии.-М., 1989.- С.7-9, 14.

³ Он же. Античная философия истории.-М.,1977.- С.42..

⁴ См.: История античной философии.-М., 1989.- С.6.

⁵ Там же.-С.10.

⁶ Он же. Античная философия истории.-М.,1977.- С.43.

⁷ Блажес В.В. Содержание художественной формы русского былевого эпоса.-Свердловск, 1977.-С.16-17.

⁸ Жирмунский В.В. Введение в изучение эпоса “Манас”// Он же. Тюркский героический эпос.-Л.,1974.-С.27-28.

⁹ Там же.-С.27.

-
- ¹⁰ См.: “Илиада” .Песнь 18// Гомер. Илиада.Одиссея.- Алма-Ата: Мектеп,1986.- С.273-276.
- ¹¹ Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка// Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос.- Л.:Наука, 1974.- С.306.
- ¹² Там же.-С.311.
- ¹³ Там же.-С.313.
- ¹⁴ Там же.-С.317.